

ОДИН ГОРОД. ТЫСЯЧА ДВИЖЕНИИ. ОДНО ЧУВСТВО.

ЭНН НЕЛЬСОН

В ТАКТ
СЕРДЦУ

КОГДА РИТМ СТАНОВИТСЯ ЧУВСТВОМ,
А ДВИЖЕНИЕ — ЛЮБОВЬЮ

Энн Нельсон

В такт сердцу

«Автор»

2026

Нельсон Э.

В такт сердцу / Э. Нельсон — «Автор», 2026

Всю свою жизнь Элизабет Браун старалась быть примерной дочерью. Ее будущее расписано матерью на годы вперед, в нем нет места для ошибок, сбитых коленей и уличной пыли. Но внутри Элизабет всегда было нечто большее — одержимость брейк-дансом и жажда настоящего, неконтролируемого движения. Переезд в новый город и перевод в новую школу впервые показывает ей другой мир. Здесь она встречает Тайлера — дерзкого лидера подпольной банды танцоров «Фантомы», для которого асфальт улиц значит больше, чем паркет любой сцены. И только после знакомства с ним Элизабет впервые готова сделать шаг к своей мечте. Теперь ей придется доказать всему миру — и в первую очередь себе, — что настоящий танец начинается там, где заканчивается страх.

© Нельсон Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Посвящение	6
Пролог	7
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Энн Нельсон

В такт сердцу

Посвящение

Для тех, кто хоть раз хотел сбежать с уроков на парковку. Для тех, чей пульс ускоряется от звука любимой музыки. И для каждого, кому хватило смелости выбрать мечту вместо одобренного будущего.

Пролог

Я до сих пор помню шершавую обивку нашего старого дивана и то, как экран пузатого телевизора заливал полутемную комнату синим светом. В детстве я могла часами сидеть у него на полу, поджав босые ноги, и смотреть передачи про танцы.

На экране мелькали девушки в струящихся платьях — казалось, они сделаны из ртути или расплавленного золота. Мальчишки в объемных штанах с десятком карманов натягивали кепки козырьками назад. От них пахло свободой — такой наглой и при этом завораживающей, что ты не можешь не поддаться ее чарам.

Они двигались так, словно гравитация была для них лишь вежливой рекомендацией, а само время вокруг замедляло ход, чтобы успеть запечатлеть каждый их жест. Их мир был нарисован яркими баллончиками прямо поверх серого бетона будней, он словно пульсировал в такт басам. Как будто сама реальность существовала не для них — она была слишком тесной, слишком правильной, чтобы вместить эту энергию.

И самое главное — они знали одну простую истину: если этот скучный, зажатый мир не принимает тебя таким, какой ты есть, со всеми твоими острыми углами, просто плюнь ему под ноги и крутанись на голове. Отчаиваться было уделом тех, кто стоял по ту сторону экрана.

Я выросла на дрожащей картинке «Лапочки», пересмотрела все части «Шаг вперед» и еще десятки безымянных клипов, которые ловила антенной поздно ночью. Я знала каждое движение Тайлера Гейджа, Рианны и Бейонсе наперед. Пальцы сами отбивали ритм по коленям, повторяя удары барабанов, пока взрослые думали, что я просто смотрю мультик.

И все же где-то глубоко внутри я всегда понимала границы своих возможностей.

Мое тело никогда не знало этой мышечной памяти, этого идеального баланса между агрессией и грацией. Поэтому я никогда всерьез не надеялась стать такой же танцовщицей, как они. Мне не светили прожекторы большой сцены и аплодисменты толпы.

Но одно я желала отчаянно, почти до физической боли в груди — быть такой же свободной. Не уметь идеально держать равновесие в сложной поддержке, а именно *быть*. Жить вот так — вывернув душу наружу через резкое движение плеча, дыша полной грудью там, где другие затаивают страх. Чтобы моя собственная жизнь стала тем самым неотрепетированным, но абсолютно точным танцем, которому не нужны ни сцена, ни зрители, ни разрешение на существование.

Только я и отдающая спокойствием свобода.

Глава 1

Если вы думаете, что одежда не по размеру страшно — вы ошибаетесь. Это не страшно — это настоящая катастрофа.

Хотя, разве можно назвать цирковое животное катастрофой?

Хм, думаю можно.

Я едва сдерживаю усмешку смотря на то восьмое чудо света, что отображается в зеркале.

Белая блузка с короткими рукавами топорщится на плечах, клетчатая юбка-карандаш упрямо задирается чуть выше середины бедра, а гольфы предательски сползают. На вешалке этот костюм выглядит как картинка из каталога элитного бренда, который так любят рассматривать богатые дамочки на приеме у своего косметолога, один прием к которому стоит как чья-то месячная зарплата — стерильный и выверенный до тошнотворного миллиметра. Только вот копна моих непослушных кудрявых прядей, кое-как стянутая в высокий хвост, взрывает эту безупречную картинку изнутри.

Боже, да я похожа на сбежавшую из-под надзора кошку, которую ради смеха нарядили в балетную пачку. И она точно не была благородной породы — скорее бродячая беженка, только что выбравшаяся из помойки.

Усмешка все же срывается с губ.

Господи, да кого я обманываю.

— Алекса, будь добра, включи «Umbrella» Рианны. И сделай громкость на 7, — не отрывая взгляда от своего отражения в зеркале, обращаюсь к нашему умному дому.

— Включаю песню «Umbrella» исполнителей Rihanna, Jay-Z.

Uh-huh, uh-huh (Yeah, Rihanna)

Uh-huh, uh-huh (Good Girl Gone Bad)

Uh-huh, uh-huh (Take three, action)

Uh-huh, uh-huh (Hov)

Комнату мгновенно прошивает знакомый упругий бит. Звук тяжелый, влажный, обволакивающий — он бьет по бежевым стенам, которые мама считает идеальным фоном для жизни.

Вот это мой вайб.

Настоящий и плотный, без фальшивого глянца.

Не подумайте, я ничего не имею против этих юбок, накрахмаленных воротничков и вылизанного внешнего мира.

Честное слово!

Я даже уважаю тех девчонок, что каждое утро добровольно надевают на лицо маску идеальной дочери. Они часами выводят стрелки, выпрямляют волосы утюжком и делают все возможное, чтобы оправдать ожидания старшего поколения.

Вот вы бы так смогли жить? Вставать в четыре утра, чтобы следующие три часа простоять перед зеркалом.

Вот и я нет. Все это пространство тотального контроля — не про меня.

Я всегда была про свободу, ну или хотя бы про ее убедительную иллюзию.

Отвернувшись от своего отражения, тянусь к молнии на боку юбки, зачитывая себе под нос партию Jay-Z. Ткань расходится с тихим, почти виноватым шелестом. Долой блузку, к черту гольфы. Пять секунд — и вместо корпоративного маскарада со скрытым посланием «я буду хорошей девочкой», на мне джинсовые шорты, обрезанные настолько коротко, что мать хватил бы удар.

А я говорила про мой легкий розовый свитшот? Он мягкий, растянутый на локтях, с небольшими потертостями на животе — настоящий ветеран моего гардероба. И даже малень-

кое пятнышко застывшей зеленой краски не может его испортить. Остается водрузить на голову любимую мягкую бейсболку Naas F1 Team и...

О да!

Теперь перед зеркалом стою настоящая я.

Карие радужки с мелкими черными прожилками смотрят настороженно, пирсинг в чуть вздернутом носу ярко поблескивает на пробивающихся солнечных лучах. А эти чертовы кудри... Они живут своей жизнью, совсем как у Гермiony Грейнджер во время урока по полетам на метле. И нет, я сейчас говорю именно про книжный образ — дикий, необузданный комок интеллекта и нервов, а не про идеальную укладку Эммы Уотсон. Хотя ей я искренне восхищалась очень долгое время, пока не поняла, что быть слишком правильной до безумия скучно.

— Ну, Бет, ты готова, — говорю я своему отражению и чуть щурю нос.

Оборачиваюсь, осматриваю себя со всех сторон: мягкая ткань сидит идеально криво.

То, что надо.

Улыбаюсь своему отражению — широко, по-хищному, так, чтобы на левой щеке проступила эта дурацкая ямочка. Раньше она меня просто выбешивала. Ну серьезно, если уж и родиться с ямочками, то пусть будут симметрично, а не вот это недоразумение слева.

Но в какой-то момент отец сказал, что ненавистные мной кудри и ямочка — моя изюминка. Впрочем, Кэт он говорил тоже самое, а она старше меня на десять лет и все равно, если поставить нас рядом — мы с ней как настоящие близняшки, только волосы у нее пшеничные, и ямочка с правой стороны.

Еще она примерная дочь с идеальной осанкой, милой улыбкой и держит язык за зубами в отличие от меня. Да, единственное наше сходство — внешность как под копирку с небольшими багами.

В любом случае, не в моих правилах строить из себя что-то иное, кроме как вечно создающей проблемы дочери своих идеальных родителей.

Схватив с пола лямку тяжелого рюкзака, подхожу к двери.

Взглядом снова обвожу свою комнату. Скучные бежевые стены я уже успела залепить постерами: черно-белый Аль Пачино из «Лица со шрамом», кислотная графика «Бегущего по лезвию», пара кадров из старых аниме. О, ну и конечно постеры групп «Nickelback» и «Thirty Seconds to Mars» — не осуждайте, я так и не определилась, кого люблю больше.

Белую мебель IKEA мы с баллончиком краски перекрасили в густой сиреневый еще на прошлой неделе. Правда, в углу все еще висится башня из пазл-коробок с вещами после переезда. Придется как можно скорее найти время распахнуть все по своим местам, прежде чем мама решит сама навести здесь свой идеальный порядок и превратить мою уютную берлогу в очередную операционную.

Делаю глубокий вдох, пахнущий старой тканью и свободой, и толкаю дверь от себя.

Я слетаю со второго этажа, едва касаясь подошвами кедр старых дубовых ступеней. На первом этаже уже встречает густой аромат свежесваренного кофе — терпкий, уютный, обещающий, что утро будет добрым.

Не разуваясь, я проскальзываю на кухню. Папа уже занял свой пост за круглым столом. Он похож на большого, очень довольного кота: в одной руке монументальная чашка американо с крутыми белоснежными боками, от которой поднимается ленивая струйка пара, а в другой — шуршащий ворох свежий выпуск газеты.

— Доброе утро, медвежонок, — он поднимает на меня глаза, и уголки его губ тут же ползут вверх.

Сделав очередной глоток, он ставит чашку на блюдце.

— Уже готова к этому дню?

— Еще бы, — усмехаюсь я, подходя вплотную.

На нем мягкая фланелевая рубашка, от которой пахнет домом. Я быстро целую его колючую щеку.

— Как вчерашний матч?

— Челси победили, — с довольной улыбкой чеширского кота отвечает он.

— Ну конечно.

Мой взгляд по старой привычке падает на газетный лист. Мельком пробежавшись по мелкому шрифту колонок, я не нахожу ничего интересного для себя. Разве что кричащий заголовок на третьей полосе об очередном скандале одной из маминых моделей.

С губ срывается тихий выдох.

Мама вечером будет напоминать спящий вулкан, которому забыли сказать, что пора просыпаться. А папа? Ему просто жизненно необходимо знать все эти грязные подробности индустрии, чтобы вовремя подsunуть жене нужную тему для разговора или тарелку с ужином. Это у нас называется «политикой семейного выживания».

Разворачиваюсь спиной к столу и открываю тяжелую дверцу холодильника. Оттуда веет бодрящей арктической прохладой. В руки сами прыгают мягкая буханка тостового хлеба и пузатая банка арахисовой пасты.

Да, знаю-знаю, настоящие гуру завтраков сейчас падают в обморок. Где мой смузи из сельдерея? Где авокадо? Но если бросить сверху горсть голубики, этот бутерброд официально становится полезным. Ну, почти. Ладно, может, пользы в нем ноль целых пять десятых, зато какой он сливочный и сладкий!

— Какие планы после школы? — нарушает тишину отец, переворачивая страницу.

Я театрально пожимаю плечами, оттягивая момент ответа, а затем смотрю на него и лукаво прищуриваюсь.

— М-м... Постараться не сгореть со стыда на первом уроке, превратиться в невидимку до самого звонка и, наверное, просто выжить. О! — поднимаю указательный палец вверх, копируя строгого профессора из документальных фильмов. — Еще хочу прогуляться по окрестностям. Надо же разведать территорию, где можно будет построить новое убежище от огнедышащего дракона.

Отец коротко мне подмигивает, и в сеточке морщин у его глаз собираются теплые лучики.

— Скажи мне, когда узнаешь координаты. Сдам тебе пароли от подвала.

Из меня вырывается звонкое хихиканье, которое тут же отражается от белых кухонных шкафчиков.

Мой папа — самый лучший человек на земле, без всяких скидок. По крайней мере, идеальный родитель из всех возможных. Да, он безумно любит маму и готов растворяться в ее тени часами, но еще больше он обожает своих дочерей. У него встроенный датчик температуры: только мы начинаем закипать и градус семейной драмы достигает точки кипения проснувшегося вулкана, как папа материализуется из ниоткуда с шуткой, предложением испечь шарлотку или просто своей теплой улыбкой. И лава мгновенно остывает. Просто бытовая магия.

— Элизабет, это что за внешний вид?

Ну вот. Легок на помине. Наш огнедышащий дракон материализовался прямо в дверном проеме кухни.

— Привет, ма-ам, — тяну я нараспев, медленно поворачиваясь к самой безукоризненной женщине на этой планете.

Мама замерла у косяка. На ней безупречный брючный костюм цвета слоновой кости, который стоит как подержанный автомобиль, а шпильки высотой сантиметров в десять делают ее похожей на разгневанную статую Свободы. Во взгляде — плохо скрываемое цунами негодования. Оно направлено сразу на два объекта: на мой внешний вид и на то подобие еды, которое предательски торчит из моих зубов. По мнению Розалинды Браун, ее дочери должны просы-

паться уже с идеальным контурингом, выбирать одежду прямым с подиумов ее агентства и питаться исключительно росой и органическими киноа-хлопьями.

О, а я разве не говорила?

Моя мама — серый кардинал модельного бизнеса. Она тот самый человек, который следит, чтобы топ-модели вовремя ели свои листья салата, не забывали сумки «CHANEL» на кастингах и улыбались нужным брендам вроде «Cartier». В свои пятьдесят эта женщина выглядит как лучшая подружка своей старшей дочери. И, конечно же, она никогда не упускает случая напомнить нам, как важно быть образцовым членом общества, даже если этот член общества просто идет выносить мусор.

— Я специально для первого дня в школе подготовила тебе форму, — начинает она свой ежедневный утренний эфир «Новости высокой моды и морали». — Это твой выпускной класс, Элизабет. Ты же знаешь, как тяжело проходить последний год обучения в новой школе. Учителя должны видеть перед собой серьезную девушку, которая думает об учебе, а не...

Пока мамин голос звенит натянутой струной, перечисляя мои грехи, я медленно перевожу взгляд на отца. Он все так же сидит за столом, но газета опущена.

Его карие глаза говорят мне без слов: «Держись, милая, сейчас пройдет грозовой фронт».

А я отвечаю ему своим коронным оружием против родительского террора — максимально сдержанной полуулыбкой Будды.

— Ты должна понимать, как важно относиться к учебе серьезно... — мама изящно поправляет идеальную укладку.

Ага. Сейчас будет кодовая фраза.

— Это первая ступень к твоей взрослой жизни, Элизабет.

Есть, попадание! Я мысленно ставлю галочку.

«А в твоей голове только танцы и холестерин, который, кстати, закупоривает сосуды».

— А в твоей голове только танцы и холестерин! Сколько раз повторять, как важно питаться правильно? — мама брезгливо смотрит на мой тост, словно это ядовитая змея.

«Могла бы хоть иногда прислушаться к родной матери...»

— Могла бы чаще прислушиваться к словам своей матери, которая искренне о тебе переживает...

Вот тут вступает папина кавалерия.

— Дорогая, позволь нашей девочке хотя бы дожевать завтрак, — откладывая газету, отец обращается к маме тем самым ласковым голосом, которым обычно успокаивают напуганных лошадей. — Не наседай на нее с порога. У нее первый день в новой школе.

— Я не наседаю, Джон, — мама разворачивается к нему, привычно положив руку на свое тонкое, затянутое в дорожную ткань бедро, и слегка прищуривается. — Я просто волнуюсь. Ты же сам знаешь, что чтобы добиться чего-то в жизни, нужно пахать с самого рассвета, — она снова переводит лазерный прицел своего взгляда на меня. — Кэтрин всегда меня слушала и теперь работает в самом известном журнале моды, на минуточку! Поэтому и тебе, юная леди, я советую почаще включаться в диалог, а то у меня возникает стойкое чувство, будто я читаю лекцию кирпичной стене.

Я закатываю глаза ровно на один такт секундной стрелки. Время дипломатии закончилось. Быстро запихнув в рот остаток сэндвича (прости, папа, кажется, сегодня убежище придется искать в лесу), я делаю шаг к матери. От нее пахнет горьковатыми духами, свежим льном и непоколебимой уверенностью в собственной правоте.

— Мам, я тебя тоже очень люблю, но... — наклоняюсь к ней и быстро целую в напудренную щеку. — Чтобы произвести хорошее впечатление, для начала нельзя опаздывать в первый день, поэтому мне пора бежать.

— Опять ты сбегаешь от разговора, как юркий воробушек, — устало выдыхает она, окидывая меня взглядом строгого цензора.

Ее глаза на секунду задерживаются на крошках арахисовой пасты у уголка моего рта.

— Твой отец тебя слишком балует своей добротой.

— Зато он лучший папочка на всей планете, без конкурса! — улыбаюсь я ей самой широкой улыбкой из своего арсенала и тут же разворачиваюсь к отцу, делая просящие брови домиком. — Отвезешь меня? Пожалуйста!

Папа лукаво усмехается в ответ, медленно переводя свой теплый, любящий взгляд с маминого идеально уложенного каре на как всегда растрепанные кудряшки. Он встает из-за стола одним плавным движением, подходит к жене и коротко целует ее прямо в уголок губ.

— Я скоро вернусь, дорогая. Куплю тебе самый большой латте в городе.

Мама набирает в грудь воздуха, явно собираясь прочитать нам еще одну лекцию о вреде сахара и пользе пунктуации, но в этот момент трелью раненой райской птицы заливается ее рабочий телефон. Она громко выдыхает через нос, просто машет нам ухоженной рукой, как будто говоря «идите уже», и уже через секунду властно кому-то приказывает перенести съемку.

Мы с папой выскальзываем за дверь.

Утреннее солнце Лос-Анджелеса встречает нас густым золотым сиропом, мгновенно согревая плечи. Мы идем по гравийной дорожке к его старой темно-синей «Тойоте». Запрыгнув на прохладное кожаное сиденье справа, я сразу же тянусь к магнитоле. Несколько щелчков кнопками — и из динамиков начинает сочиться самая приятная музыка из всех возможных — хиты еще молодых рэперов начала двухтысячных.

— Решила начать день с вечной классики? — спрашивает отец, поворачивая ключ в зажигании.

В зеркале заднего вида отражается его улыбка, полная теплой иронии.

— Только Эминем из прошлого может сделать этот понедельник выносимым, — отвечаю я с полуулыбкой, протягивая ему свой сжатый кулак.

Папа тут же касается своим костяшками моих в нашем фирменном жесте «дай пять».

Из колонок наконец раздается знакомый речитатив Эминема. В такт битам я начинаю отстукивать рваный ритм пальцами по коленке, рассеянно глядя сквозь лобовое стекло на проносящиеся мимо окрестности.

Лос-Анджелес.

До этого дня я видела его только в кино и музыкальных клипах. Всю мою жизнь мы прожили в Чикаго, где небо всегда серое, а ветер пробирает до костей. Сюда мы переехали неделю назад ради маминой карьеры. Ну и потому, что здесь живет моя старшая сестра Кэтрин. Хотя «живет» — это сильно сказано: она вечно чемоданная девушка, перелетающая между Нью-Йорком и Калифорнией, но именно пальмы Уилшира называет лучшим местом на Земле.

Конечно, папа предлагал подождать год, чтобы я спокойно окончила школу на привычном месте, среди заснеженных озер Иллинойса. Но если честно, я сама сгорала от нетерпения. Тем более, меня всегда безумно тянуло сюда магнитом, поскольку именно здесь проходят легендарные мировые турниры уличных танцоров под открытым небом.

Да, я болею танцами.

Конкретно — брейк-дансом, ломаными линиями тела и адреналином баттлов. И мне кажется, я никогда не смогу остановиться. Конечно, я не настолько наивна, чтобы думать, будто когда-нибудь выйду танцевать на раскаленный асфальт Санта-Моники — маму в таком случае хватит настоящий удар, инфаркт в прямом эфире. Но я хочу хотя бы стоять в толпе зрителей. Хочу кожей впитывать эту атмосферу свободы, увидеть вживую то, что с самого детства закаляло мой характер через экран телевизора.

— Медвежонок, не переживай из-за маминых слов, — голос отца мягко вырывает меня из размышлений.

Его большие руки уверенно лежат на руле, пока мы перестраиваемся в левый ряд.

— Она вовсе не хотела тебя обидеть. Просто она за тебя переживает. Ты же знаешь, что в конечном итоге она всегда будет на твоей стороне.

— Угу, — тихо отзываюсь я, продолжая выводить пальцем узоры на стекле.

«На моей стороне» — это звучит слишком громко.

Для мамы поддержка выглядит иначе: я должна стать точной копией Кэтрин. Получить красный диплом Гарварда, носить шпильки даже в бассейн и искренне любить оперное пение Верди.

Опера... Как будто в этих бесконечных ариях есть хоть капля настоящей уличной жизни.

И все-таки я знаю, что мама любит нас до дрожи. Она просто взрослый человек, который отчаянно хочет «как лучше», строит идеальный план спасения, но провода управления всегда немного перепутаны. Впрочем, наверное, в этом есть и моя вина — я редко открываю рот, чтобы объяснить ей свои настоящие желания.

Ну да ладно, психоанализ семейных отношений отложим на потом.

Сейчас передо мной стоит куда более приземленная и важная задача — просто пережить этот день. Найти нужный кабинет английского, ни разу не упасть лицом в грязь и постараться продержаться до последнего звонка в новой школе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.